

БЫТОФИЛОСОФИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ ОПТИКИ

В.А. Костенич

УО «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова»
ул. Космонавтов, 1, 212022, Могилев, Республика Беларусь
kosvladan@mail.ru

Аннотация: В публикации эксплицируется философский потенциал отдельных речевых практик, создающих мировоззренческие конфигурации смыслов жизни внутри повседневностей человеческого бытия.

Ключевые слова: философия; философствование; бытофилософии; эпитафия; тост; молитва; исповедь.

THE PHILOSOPHIES OF HOMELINESS AS THE OPTICS OF LIFE MEANINGS

V.A. Kostenich

Mogilev State A.Kuleshov University

Kosmonavtov str., 1, 212022, Mogilev, Republic of Belarus

Abstract. The publication explicates the philosophical potential of individual speech practices, that create worldview configurations of meanings of life in daily human existence.

Keywords: philosophy; philosophizing; philosophy of everyday life (philosophy of homeliness); epitaph; speech; prayer; confession.

Философская мысль издревле шлифует себя в «генеалогиях Понятия»; в сократово-схоластических ювелирностях «претензий к сказуемому о Сущем»; в терминологических круговращениях «доведения до Ума» всего того, что рикошетит в него посредством пограничных ситуаций и экзистенциальных турбулентностей. Постмодернистская атака на ортодоксии сложившихся стереотипов интеллектуальных матриц освоения бытия, деконструктивным штормом вторглась и на «рационалистические территории» философского «существования». Императивные установки мыслить философию как революционный праксис активного переустройства социального бытия в целом, необходимо параллельно совмещать и с ризоматической реконструкцией «микрофилософских завязей обывательского мудрствования», с (по)иском неких, аутентичных для мировоззренческого дискурса, «генно-смысловых резерваций акто(ро)в философствования», феноменствующих в пло(ть)скости повседневного бытования. Постмодернизм также обратил внимание, что философия, при всей своей декларированной элитарности, должна свидетельствовать собой о «фундаментальной чуткости» к эволюциям культурно-исторического смыслополагания, к его эйдетической тектонике, к многоликости бытийных ракурсов и «проб речи», в контексте которых, пусть и (исходно) «косноязычно» проступают как социальные, так и личностные форматирования смысло-жизненных трендов и ценностных ориентаций. Еще один догматический тезис о

том, что «Философию» (с большой буквы) в качестве социокультурного образца рациональной внятности нельзя сводить к «фактуре примеров», представляется отныне слишком ригористичным и неоднозначным. Так, если мы (по-прежнему) продолжаем (солидарно гегелевски) полагать, что (подлинная) философия есть «эпоха, схваченная в Мысли», тогда следует допустить в её «(деми)ургическое пространство» и «(до)родовые схватки» (изобретения Смысла, первично «случающиеся» в каких-то «эонах пред-философского умозрения»). Здесь рождается «философствующий человек» как доморощённый инициатор бытийного самоопределения, который в своём (индивидуальном) лице, анонимно и мужественно выговаривает и благодатно «продлевает» философию как таковую, без её (официального) ведома и одобрения. Всякая (в т.ч. и великая) река начинается с неприметных родников и речушек.

Особую актуальность обретают данные «эпизодичности неофициального философствования» в практике преподавания курса философии. Именно здесь «примеры из жизни» перестают быть «факультативными излишествами» и превращаются в «сократовские родовспоможения», провоцирующие «опознания смысложизненных исканий обычного человека», мольеровски переоткрывающего для себя тот факт, что он (де факто) «философствует» среди «мероприятий повседневности», казалось бы, вне философских, по своему жизненному статусу. Обнаруживается латентная (и неустраимая) «философичность» нашего существования, спотыкающегося в «трудностях перевода на язык сущности».

Каковы же эти «сюжеты наличного», требующие нашей (уже профессиональной) рефлексивной концептуализации и выступающие дидактическими траекториями в область собственно философских умозаключений и сентенций, каковы их «формальные и содержательные идентичности... нетождественного»? По нашему мнению, с точки зрения своей «формы», все они «афористично интенсны», ибо «не сговариваясь» стремятся (в велеречиях текстовой температуры) быть «заразительно образны», синергетически витиеваты, душевно пафосны и гимнософичны. Их содержательная сверхзадача состоит в том, чтобы *притчевосказательно* «озадачить» человека и внешне (в том числе и виртуально) окружение хаосами смятения; взломать (дремлющее) миропредставление фугасами «образных дерзостей»; разбередить самовопрошание; столкнуть(ся) лицом к лицу с собственным (экзистенциально глобальным) предназначением; осуществить бифуркацию обыденного в софийные измерения духовной совести. Фактически, именно этим же (по определению) занимается и философия в своих «трансцендентных эмпириях», категориально фокусируясь на изначальных основаниях (всего) Сущего. Проблема только в том, что философы (и, нередко, преподаватели философии) философствуют эзотерично, манифестируя свои мировоззренческие парадигмы «мировой закулисе избранных интеллектуалов», гурманствующих на платоновских пирах многоумного красноречия.

Однако философия всё время нуждается и в «мирском обосновании», в «от(с)сылке» к таким «речевым артефактам», которые демонстрируют её актуальное присутствие в силовом поле традиционных человеческих коммуникаций, ритуализирующих те или иные аспекты повседневного бытия и снабжающих его

смысловой агрессивностью мировоззренческого перформанса. Как нам представляется, к числу некоторых «бытовых первоисточников» смысложизненной оптики, наделённых явным философским потенциалом, можно было бы отнести эпитафии и... тосты на уровне «светского» функционирования человеческой культуры, а также молитвы и исповеди, как сакрализованные авторитетом Творца, религиозно ангажированные построения мысли. Говоря об эпитафиях, мы имеем ввиду особый «жанр некрологосной лексики», который опредмечивается не только в текстах кладбищенских надгробий, но и накапливается в запасниках социальной памяти, в виде «пропедевтических посланий» нашей «забывшей о себе самобытности». Эпитафные нарративы не обязательно создаются «под заказ» конкретных «случаев» человеческих утрат, но могут быть «усмотрены» и в (уже) наличествующих языковых сообщениях разной (жанровой) природы; востребованы из них в качестве «глубоко(с)мысленных цитат» и затем «плагиатно продублированы» в траурных послесловиях чьих-то индивидуальных вселенных.

Эпитафия, в форме посвящения (ушедшему *смысло/человеку*) или завещания грядущему, смещает акценты нашего восприятия жизни от трафаретов (узко)личных реверансов в подполья глубинных осознаний смысложизненных амплитуд. Смерть и смертность (как её «философская» ипостась) диагностируют в эпитафиях и любовь к ближнему, и его (или наш) жизненный масштаб, и дублирование клишированных констатаций, и прозрения растревоженного раскаяния, и эстетику благодарности, и огорчения от личностных поражений чьих-то «(о)ничтоженных» *Временем* человеческих персонажей.

Особенно индикативно и мировоззренчески в(ы)зывающе выглядят эпитафные словосплетения, извлечённые и изречённые нашей потрясенностью из (смысло)вибраций танатосных «ущербов бытия», смертоносно разбередивших наши души апокалиптическими волнениями предстоящего ухода. Как бы (со)общаясь с собой и с Другими из зоны пред(рас)положенной Вечности; футурологически забегаая вперёд в горькую мудрость (прижизненно-посмертной) прозревшей слепоты; провидчески проникая в «оценочные инстанции» абсолютных вердиктов, «*homo sapiens эпитафный*» преодолевает «земное притяжение» своей, озабоченной (простым и рутинным) *благополучием* жизни, обнаруживает и словесно обналичивает те смысловые измерения повседневного существования, которые ускользали от его «бытового взора» и по касательной соскальзывали в бездны меркантильных капитуляций.

Диалектика эпитафных «многомнений» метафорично маркирует палитру смысложизненных археологий, свидетельствуя о внутренних «аннигиляциях» самостной монолитности, о дефиците внимания к собственной уникальности. Эпитафия – это мысль, приглашающая человека, прежде чем переделывать Мир и Других, (философски) застрять (навсегда) в фокусе предельного ответственности перед самим собой [1]. Тост же – это эпитафия «шиворот-навыворот», *дифирамба (смысложизненных) пожеланий* «здесь и сейчас, пока еще не поздно». (Философски) тостующий тщится зарезервировать «отсрочку времени ада смерти», через (почти уповающее) собирание «смысложизненных основательностей», отселектированных из ситуативностей «текучей современности». Эпитафия и тост

симметричны и ассиметричны одновременно. Каждая из данных апробаций смысла тождественна своему вербальному двойнику в интенции нюансировать составляющие подлинного существования, *артикулировать аксиологию должного в Сущем*. С другой стороны, эпитафия и тост говорят о смыслах жизни в сходящихся «от противного» направлениях. Эпитафия (как бы) посмертно и со слезами сожаления на душе. Тост глаголет тоже самое... радостно-игриво из полноты праздничного самодовольства, пытающегося оседлать и успеть «приручить труды и дни». Перед нами *Аминь, исправленное на «Да здравствует»!*

Одним из наиболее ярких «философских посланий» религиозного сознания выступает «молитва». Но молитва, рассмотренная не в качестве банального словословия Творцу и(ли) перечня повседневных просьб. А молитва, репрезентирующая на экране человеческого сознания его поиск предельных смыслов собственного существования. Человек «молвит Слово» о своем бытии и это «Слово» оказывается его тропинкой к магистрали разбирательств в ценностных доминантах «того, что есть», в его смысловых трещинах и герменевтических тупиках. Ради чего сотворен мир? В чем уникальное предназначение «вот этого, конкретного», человека? Действительно ли каждый из нас, несмотря на свою смертность и временность, несчастен в бытии? Возможны ли Истина, Добро, Красота в мире полном страданий и циничной борьбы за существование всех со всеми? Из каких ценностных предпочтений складывается смысл жизни? Вопросы, казавшиеся уделом высоколобых интеллектуалов, «гуляк праздных», вдруг обретают значение лич(ност)ных драматургий. Молитва, как событие обращения к изначальным смыслам, оказывается «квазифилософским текстом». Она инициирует трансформацию локальных биографических переживаний во вселенское размышление о Судьбах всего «мирского» [2]. Исповедь, в свою очередь, разворачивает (одноразовую) душевную палитру сожалений о (частных) грехопадениях «конкретного бытия» в духовную топикку их смылосущностного дознания, в попытку приобщить себя к диалогу с собственными имманентными абсолютами и антиномиями, скрывавшимся до этого в «онгианской Тени» бессознательного вытеснения. Молитвенный спринт мигрирует в (по)бег на длинные дистанции смысла, в пожизненную ренту этических треволнений и многоточий.

Таким образом, человеческая субъективность взыскует автореферентности, нуждается в диагнозах и проектах своей сущностной глубины, творит словоформы смыслополагания, (разнокачественно) микрофилософствует в точках «знаковых событий» своего бытового существования. Профессиональная философия не должна упускать из виду эти мировоззренческие усилия и словесные потуги «святой простоты»...

Библиографические ссылки

1. Костенич В. А. Танато(с)логосные практики философствования // Романовские чтения – 13 : сб. стат. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 октября 2018 г. / Могилев, 2019. С. 86–87.
2. Костенич В. А. Молитва как жанр религиозного философствования // Религия и общество – 4: сб. науч. тр. / МГУ им. А.Кулешова. Могилев, 2009. С. 148–150.